Валентина Садыкова

Холодный огонь

Валентина Садыкова

«Холодный огонь»

«Автор»
2026

Садыкова В.

«Холодный огонь» / В. Садыкова — «Автор», 2026

> В глухом архангельском селе Веретье, отрезанном от большой земли осенней распутицей, после девяти вечера отключают электричество — и наступает время тишины. Местные жители заколачивают окна досками, рисуют на дверях меловые кресты и свято соблюдают три правила: не выходить за порог, не смотреть в окна и ни за что не отзываться, если из-за двери позовет голос близкого человека.

© Садыкова В., 2026
© Автор, 2026

Валентина Садыкова «Холодный огонь»

Глава 1. Последний паром

Октябрь на Пинеге пахнет мокрой осиновой корой, ржавой болотной водой и близким, неизбежным снеАртем стоял на обшарпанной корме старого дизельного парома, вцепившись замерзшими пальцами в ледяной металлический поручень, и смотрел, как за мутным кильватерным следом медленно тонет в серых сумерках противоположный берег. Вместе с ним таяла последняя ниточка, связывающая его с привычным миром — с асфальтовыми дорогами, устойчивой сотовой связью и теплыми читальными залами Петербурга.

— Последний рейс в этом году, парень, — прохрипел у него за спиной моторист в засаленной ватной куртке, сплевывая за борт. — Завтра шуга пойдет, а к выходным реку забьет ледяным салом. До декабря ни на лодке, ни на машине не сунешься. Разве что вертолетом, если помирать начнешь.

— Мне на три дня, — отозвался Артем, поправляя ремень тяжелого кожаного рюкзака на плече. — Заберу бумаги у родственников Прохорова и уеду на попутке через лесовозную гать.

Моторист коротко хохотнул, глядя на него как на городского блаженного:

— Нету у Прохорова никаких родственников. Бобылем помер. То есть... пропал, стало быть. А гать лесовозную еще на прошлой неделе дожди размыли так, что там даже «Урал» по мосты сядет. Так что располагайся, ученый. Зимовать с нами будешь.

Артем промолчал. Он знал о рисках осенней распутицы еще до того, как сел в поезд до Архангельска, но выбор был невелик. Две недели назад в архивный отдел института пришло заказное письмо из глухого села Веретье, подписанное неким Игнатом Петровичем. В конверте лежала фотография разворота рукописной книги XVII века — полуустав с киноварными инициалами, превосходной сохранности, с пометками на полях о «тайном договоре веретейских мужиков с лесным хозяином». Автор письма сообщал, что владелец библиотеки, краевед-самоучка Семен Прохоров, ушел в лес за клюквой месяц назад и не вернулся, а его дом собираются опечатать и пустить под снос.

Для любого медиевиста такая находка была сродни золотой жиле. Руководство института выписало командировку за один день, и вот теперь Артем подплывал к темному высокому берегу, на котором едва угадывались приземистые силуэты северных изб.

Паром с глухим скрежетом ткнулся аппарелью в галечную отмель.

На берегу не горело ни одного фонаря — только в глубине села тускло светились два или три окна. У самой воды, опираясь на суковатую палку, стоял высокий сухопарый старик в длинном брезентовом плаще и старой ушанке.

— Волков Артем Сергеевич? — негромко спросил он, когда Артем сошел на берег, проваливаясь ботинками в холодную вязкую грязь.

— Да. А вы, полагаю, Игнат Петрович?

Старик кивнул, внимательно оглядывая приезжего из-под густых седых бровей. Взгляд у него был тяжелый, цепкий, без привычного для северных деревень любопытства или радушия.

— Идем скорее, — сказал Игнат Петрович, разворачиваясь к узкой тропе, ведущей вверх по крутому глинистому взвозу. — Солнце за сосны упало. Нечего у воды стоять в такой час.

Они поднялись в село. Веретье оказалось больше, чем Артем представлял по карте: две широкие улицы, заросшие пожухлым бурьяном, старая покосившаяся церковь без крестов на окраине и около тридцати добротных, потемневших от времени срубов.

Но по мере того как они шли по улице, Артем начал замечать странную деталь.

Почти на всех домах окна были закрыты плотными деревянными ставнями, а на некоторых — поверх ставен были прибиты свежие, еще не потемневшие сосновые доски. Над дверными косяками каждого крыльца белели нарисованные мелом косые кресты, а у калиток лежали пучки сухой полыни и рябины, придавленные тяжелыми булыжниками.

— К зиме готовитесь? — спросил Артем, кивнув на заколоченные окна. — Рановато вроде для метелей.

Игнат Петрович не сбавил шага:

— Не от метели. От взгляда.

— От какого взгляда?

— От чужого, — коротко отрезал старик и остановился перед большим двухэтажным домом на самом краю села, вплотную примыкающим к темной стене векового ельника.

Дом Прохорова выглядел мрачно. Высокое крыльцо перекосилось, нижние венцы сруба почернели от сырости, а единственное незаколоченное окно на первом этаже смотрело на улицу пустой, черной глазницей.

Игнат Петрович достал из кармана плаща тяжелый амбарный ключ, отпер висячий замок на входной двери и толкнул её внутрь. В лицо повеяло затхлым холодом, запахом старой бумаги, печной золы и сушеных трав.

— Дрова в сенях, керосиновая лампа на столе, — сказал старик, не переступая порога. — Электричество в селе дают с шести утра до девяти вечера, дальше дизель глушим, солярку бережем. Бумаги Семеновы в горнице, в сундуке под замком — ключ в ящике стола найдешь.

— Спасибо, Игнат Петрович, — Артем шагнул в темные сени и обернулся. — А где здесь можно купить продуктов? Утром зашел бы в магазин.

Старик задержался на нижней ступеньке крыльца, бросив быстрый тревожный взгляд на черную стену леса за домом.

— Магазин по вторникам и пятницам открывается, к обеду Василиса-фельдшерица зайдет, принесет хлеба и консервов. А ты вот что, Артем Сергеевич... — голос старика стал тихим, почти шипящим. — Запомни три правила, пока здесь сидишь. После девяти вечера, как свет погаснет, из дому ни ногой. В окна не гляди, даже если покажется, что кто-то ходит под стенами. И главное — если услышишь в сенях или под полом голос знакомый — матери, друга или самого Семена Прохорова — не отзывайся. Молчи, будто языка нет.

Артем невольно усмехнулся, принимая слова старика за типичный северный фольклор, которым местные любят пугать городских:

— Хорошо, Игнат Петрович. Буду молчать.

Старик не улыбнулся в ответ. Он молча повернулся и быстрым, для его лет удивительно легким шагом пошел прочь по темной улице, словно старался как можно скорее убраться от этого дома.

Артем вошел в избу, закрыл дверь на тяжелый деревянный засов и чиркнул зажигалкой.

В неровном свете огонька выступила просторная горница: русская печь, массивный дубовый стол, заваленный тетрадями и старыми книгами, и высокий окованный железом сундук в красном углу. Всё выглядело именно так, как он и ожидал увидеть в доме провинциального краеведа.

Он зажег керосиновую лампу, растопил печь сухими березовыми поленьями, и вскоре по комнате разлилось приятное, живое тепло. Достав из рюкзака термос и бутерброды, Артем сел за стол и открыл первую попавшуюся тетрадь Прохорова, исписанную мелким, убористым почерком.

Запись на последней странице была сделана 14 сентября — за день до исчезновения хозяина дома:

*«Оно снова пришло к меже. Собаки в селе третью ночь не лают — забились под лавки и скулят. Игнат говорит, пора готовить откуп, как в восемьдесят девятом году делали, но я

знаю, что старый договор больше не держит. Срок вышел. Если я не вернусь из болота завтра — пусть тот, кто найдет эти бумаги, сожжет сундук дотла. Не открывайте черную книгу. Не читайте вслух имена».*

Артем перечитал строчки дважды, хмыкнул и отложил тетрадь. Классический случай старческого помешательства на почве одиночества и чтения апокрифов.

Ровно в девять часов вечера тусклая лампочка под потолком мигнула и погасла — в селе отключили генератор. В горнице остался только мягкий, колеблющийся свет керосиновой лампы и багровые отблески углей из-под печной заслонки.

За стенами дома стояла мертвая, абсолютная тишина. Ни ветра, ни шороха веток, ни привычного городского гула.

Артем взял со стола связку ключей, подошел к окованному железом сундуку в углу и открыл навесной замок. Тяжелая крышка со скрипом откинулась. Внутри, завернутые в старую льняную холстину, лежали семь рукописных книг в кожаных переплетах с медными застежками.

Сердце ученого забилось быстрее. Он бережно извлек верхний том — толстую книгу в черном, потрескавшемся от времени телячьем переплете без единого тиснения на обложке, — положил её на стол и отстегнул медные застежки.

На первом листе плотной тряпичной бумаги выцвевшими орешковыми чернилами была выведена заглавная строка:

«Книга счетная и поминальная лесного предела, писана в лето 7184-е...»

И в ту же секунду, когда глаза Артема пробежали по первым словам текста, за глухой бревенчатой стеной со стороны леса раздался звук.

Сначала тихий, едва различимый — словно кто-то провел длинными, жесткими ногтями по сухим бревнам сруба от самого угла до окна.

Артем замер, подняв голову от книги. Показалось? Ветка ели скребет по стене?

Скрип повторился. Медленно, с нажимом, словно кто-то очень высокий стоял снаружи, прижавшись лицом к заколоченным ставням, и ощупывал стену.

А затем из темных сеней, прямо из-за закрытой на засов двери, раздался тихий, вкрадчивый стук — три коротких удара. И следом — знакомый, хрипловатый голос мотористa с парома, который остался на другом берегу реки час назад:

— Артем Сергеевич... Открой, парень, беда у нас. Паром течь дал, я еле доплыл... Замерзаю совсем, пусти погреться...

Глава 2. Голос за порогом

Артем сидел не шелохнувшись, вцепившись пальцами в край дубового стола. Пламя керосиновой лампы дрогнуло, отбрасывая на бревенчатые стены длинные, ломаные тени, похожие на скрюченные пальцы.

За дверью, в темных сенях, снова раздался тихий стук — на этот раз не кулаком, а словно чем-то твердым, костяным.

— Артем Сергеевич... — повторил голос мотористa. Интонация была пугающе ровной, лишенной живого дыхания, словно кто-то прокручивал записанную на магнитофон фразу, стараясь точно скопировать хрипотцу и северный окающий выговор. — Ноги сводит, парень. Совсем ледяная вода в Пинеге. Отодвинь засов, не по-христиански это — человека на морозе держать...

Артем медленно, стараясь не скрипнуть половицами, поднялся со стула. В голове лихорадочно бились две мысли. Первая, рациональная: паром с тяжелым дизельным двигателем не мог дать течь за сорок минут в тихую погоду, а переплыть осеннюю Пинегу вплавь, не получив мгновенного переохлаждения, физически невозможно. Вторая, иррациональная, от которой леденела кровь в жилах: входная дверь с улицы в сени была закрыта на тяжелую деревянную

вертушку, которую Артем лично опустил, когда заходил в дом. Если бы моторист действительно пришел с берега, он бы сначала стучал в наружную дверь сеней, а не стоял бы уже внутри, прямо перед дверью в горницу.

Он вспомнил слова Игната Петровича, сказанные час назад на крыльце: *«Если услышишь в сенях или под полом голос знакомый — не отзывайся. Молчи, будто языка нет».*

Артем прикусил губу до боли, подавляя инстинктивное желание крикнуть: «Кто там?!» — и на цыпочках шагнул к печи, где у поленницы стоял тяжелый кованый ухват.

За дверью повисла долгая, тягучая тишина. Слышно было только, как в горнице мерно тикают старые ходики на стене да трещит догорающее березовое полено.

А затем голос за дверью изменился. Хриплый бас моториста оборвался на полуслове, словно сбилась настройка старого радиоприемника, и из-за тонкой филенчатой двери раздался мягкий, чуть насмешливый женский голос — голос, от которого у Артема перехватило дыхание и закружилась голова:

— Темка, ну чего ты там копаешься? Я замерзла на крыльце стоять. Чайник поставил?

Это был голос его матери, умершей четыре года назад от инсульта в петербургской больнице. Точный до последней интонации, до привычного легкого придыхания в конце фразы.

У Артема задрожали руки. Ухват едва не выскользнул из вспотевших ладоней. Он зажмурился, прижавшись спиной к горячему кирпичному боку русской печи, и мысленно начал считать про себя: *раз, два, три, четыре...* Галлюцинация. Слуховая аберрация на фоне усталости, стресса и угарного газа. Он закрыл вьюшку слишком рано! Надо открыть поддувало, проветрить комнату, сейчас же...

Он сделал шаг к печной заслонке, но в этот момент по всей избе пробежал ледяной сквозняк. Пламя в керосиновой лампе вытянулось в тонкую синюю иглу и едва не погасло.

За дверью в сенях раздался тихий, сухой смешок — звук, напоминающий треск ломающегося на морозе валежника. И следом что-то тяжелое, грузное отошло от двери, тяжело ступая по деревянному настилу сеней. Шаги были неровными, словно существо переступало с четырех конечностей на две, волоча за собой что-то длинное и шелестящее по доскам.

Хлопнула наружная дверь сеней — хотя вертушка оставалась запертой изнутри.

Тишина вернулась так же внезапно, как и нарушилась.

Артем простоял у печи с ухватом в руках до самого утра. Он не прилег ни на минуту, не притронулся к остывшему чаю и не открывал больше черную книгу, лежащую на столе. Только когда за щелями заколоченных ставен начал пробиваться мутный, серый рассвет, а в шесть утра под потолком тускло вспыхнула лампочка — в селе запустили утренний генератор, — он позволил себе опуститься на лавку и выдохнуть.

Ровно в семь часов в наружную дверь сеней громко, по-хозяйски постучали.

— Эй, гость столичный! Живой там? — раздался звонкий, бодрый женский голос. — Открывай, завтрак принесла!

Артем вздрогнул, сжимая рукоять ухвата, но утренний свет и живой, по-деловому торопливый тон заставили его подойти к двери. Отодвинув засов, он вышел в сени.

Наружная дверь действительно была закрыта на деревянную вертушку. Никаких следов на пыльном полу сеней не было — кроме его собственных вчерашних отпечатков ботинок.

Он откинул вертушку и распахнул дверь на крыльцо.

Перед ним стояла невысокая стройная девушка в темно-синем пуховике, вязаной шапке и высоких резиновых сапогах. На плече у нее висела потертая кожаная сумка с красным крестом, а в руках она держала холщовый мешок, от которого вкусно пахло свежим ржаным хлебом.

— Доброе утро, — улыбнулась она, внимательно разглядывая бледное, осунувшееся лицо Артема с темными кругами под глазами. — Я Василиса, местный фельдшер. Игнат Петрович велел зайти, проведать, как вы тут устроились. Выглядите так, будто всю ночь вагоны разгружали. Печка чадит?

— Нет, с печкой всё в порядке, — хрипло ответил Артем, отступая в сторону и пропуская её в дом. — Просто... непривычно тихо здесь у вас.

Василиса прошла в горницу, огляделась, привычным жестом поставила холщовый мешок на стол и тут же нахмурилась, увидев на столе раскрытую книгу в черном телячьем переплете.

— Вы уже сундук вскрыли? — тихо спросила она, и улыбка мгновенно сошла с её лица.

— Я за этим сюда и приехал, — Артем подошел к столу, пытаясь вернуть себе привычный тон уверенного столичного исследователя. — Игнат Петрович сам прислал мне фото этой рукописи. Кстати, он вчера говорил о каком-то «старом договоре» и просил не выходить после девяти вечера. Это у вас здесь такой способ отпугивать случайных туристов или местные действительно верят, что в лесу кто-то бродит?

Василиса медленно стянула вязаную шапку, тряхнула густыми русыми волосами и посмотрела на него серьезным, усталым взглядом человека, которому надоело объяснять очевидное:

— Туристов в Веретье не было лет двадцать, Артем Сергеевич. Сюда дороги нет. А насчет того, во что мы верим... Пройдемтесь со мной до фельдшерского пункта, заодно покажу вам кое-что. Дома в четырех стенах сидеть вредно — особенно в этом доме.

Глава 3. Счетная книга

На улице было холодно и сыро. Низкое свинцовое небо висело почти над самыми верхушками елей, а с реки тянуло колючим, пронизывающим ветром, несущим редкие, жесткие крупинки первого снега.

Пока они шли по пустынной улице, Артем заметил, что село кажется вымершим. Ни дыма из некоторых труб, ни детских голосов, ни привычного для деревни лая собак. Лишь у одного из домов старуха в темном платке молча сметала с крыльца сухие листья березовым веником и, увидев приезжего, торопливо перекрестилась и скрылась за дверью.

— Почему у вас так тихо? — спросил Артем, глядя на заколоченные ставни соседних изб. — Сколько вообще человек живет в Веретье?

— По прописке сорок два, — ответила Василиса, шагая по настилу из скользких досок, проложенному вдоль грязи. — На деле — двадцать восемь, в основном старики. Молодежь уехала в Архангельск и Северодвинск, как только леспромхоз закрыли.

— А вы? Почему вы остались здесь после распределения?

Василиса на секунду замолчала, глядя себе под ноги:

— У меня здесь бабушка жила. Анна Михайловна. Она сорок лет в этом медпункте отработала. Я приехала сюда после медучилища, чтобы за ней ухаживать, когда она слегла. А прошлой осенью она умерла.

— Соболезную.

— Не стоит, — сухо сказала девушка. — Она умерла в собственной постели, от остановки сердца. Врач из района приехал, написал заключение — старость. Вот только перед смертью она три дня не спала и всё твердила, что за окном стоит мой дед, который утонул в Пинеге в семьдесят восьмом году, и зовет её по имени.

Артем остановился, чувствуя, как по спине снова пробежал знакомый ночной холодок:

— Вы хотите сказать...

— Я ничего не хочу сказать, Артем Сергеевич, я фельдшер, меня учили анатомии и фармакологии, — Василиса обернулась, в её серых глазах мелькнула горькая усмешка. — Но за три года работы здесь я видела слишком много вещей, которые не укладываются в учебник по психиатрии. Например, когда три здоровых мужика-лесоруба в один день сходят с ума от панических атак, потому что услышали в лесу голоса своих пропавших без вести товарищей. Или когда у всех собак в селе за одну ночь выпадает шерсть и они отказываются выходить из сараев даже за мясом.

Они подошли к одноэтажному бревенчатому зданию с выцветшей синей табличкой «Фельдшерско-акушерский пункт». Василиса отперла дверь, пропустила Артема в небольшой, чисто вымытый коридор, пахнущий хлоркой и карболкой, и провела в свой кабинет.

Подойдя к старому металлическому сейфу в углу, она открыла его ключом и достала толстую тетрадь в клеенчатой обложке, потрепанную по краям.

— Это журнал регистрации смертей и несчастных случаев Веретейского медпункта, — сказала Василиса, кладя тетрадь на стол перед Артемом. — Моя бабушка вела его с шестидесятого года, а до нее — старый фельдшер еще с тридцатых. Посмотрите на даты, которые я отметила закладками.

Артем открыл первую закладку. Запись была сделана выцветшими фиолетовыми чернилами, каллиграфическим почерком:

«18 октября 1956 года. Пропал без вести в лесу у Черного омута плотник Афанасий Кряжев, 44 лет. Тело не найдено. Причина: заблудился в осенний туман».

Он перевернул страницу ко второй закладке:

«21 октября 1989 года. Пропал без вести на болоте за церковью тракторист Николай Верещагин, 39 лет. Тело не найдено. Поисковая группа слышала крики со стороны лесного массива, но выйти на след не смогла».

Третья закладка вела на предпоследнюю страницу журнала, заполненную уже почерком самой Василисы:

«15 сентября 2022 года. Пропал без вести краевед Семен Иванович Прохоров, 67 лет. Ушел в лес в районе Черного омута. Поиски силами местных жителей результатов не дали».

Артем нахмурился, пробегая глазами по строчкам:

— Между пятьдесят шестым и восемьдесят девятым годом — ровно тридцать три года. И между восемьдесят девятым и прошлым годом — снова тридцать три года. Совпадение? Для глухого северного села, окруженного болотами и тайгой, три пропавших человека за сто лет — это даже ниже средней статистики.

— Посмотрите на последнюю запись внимательнее, — тихо сказала Василиса. — И пролистайте журнал в самое начало, к записи за 1923 год.

Артем перевернул пожелтевшие, рассыпающиеся по краям листы в начало тетради. Там, в самом верху страницы, стояла отметка:

«19 октября 1923 года. Пропал без вести в лесу у Черного омута дьячок бывшей приходской церкви Никодим, 51 года. Тело не найдено».

— Каждые тридцать три года, в октябре, перед первым снегом, — негромко произнесла Василиса, опираясь руками о край стола. — В Веретье всегда пропадает один мужчина. Всегда в районе Черного омута — это старое глухое озеро в четырех километрах отсюда, за болотом. Ни разу не находили ни тела, ни одежды, ни следов зверя. Человек просто растворяется в лесу.

— Но Прохоров пропал в сентябре, — возразил Артем, хотя внутри у него уже поднималось тревожное, сосущее чувство правоты девушки. — На месяц раньше срока.

— Вот именно, — Василиса кивнула, глядя ему прямо в глаза. — Семен Иванович ушел в лес сам. За день до этого он приходил ко мне, просил снотворного, был сам не свой. Сказал, что нашел в своих старых книгах ошибку в расчетах и что «срок вышел раньше». А когда он не вернулся... — девушка понизила голос до шепота, — через неделю после его исчезновения Игнат Петрович собрал всех стариков в сельсовете. Они просидели там до глубокой ночи, а на следующее утро мужики пошли по домам и начали заколачивать окна.

Артем вспомнил ночной скрип когтей по бревнам сруба. Вспомнил ледяной голос умершей матери за дверью сеней.

— Если Прохоров уже ушел в лес, — медленно проговорил он, — почему же они заколотили окна только сейчас? Разве лес не получил то, что требовалось?

— В том-то и дело, Артем Сергеевич, — тихо ответила Василиса. — Игнат Петрович сказал на сходе, что Семен Иванович был стариком, больным и немощным. А лесу нужна живая, молодая кровь. И что поминальная книга, которую вы вчера открыли на столе, — это не просто исторический документ. Это список должников.

В этот момент дверь медпункта с грохотом распахнулась, ударившись о стену. На пороге стоял Игнат Петрович — без шапки, с перекошенным, серым от ужаса лицом, сжимая в руке старую двустволку.

— Васька, сумку собирай! — хрипло крикнул он с порога, даже не взглянув на Артема. — У Григорьича на краю села беда! Вышел утром дрова колоть — а на крыльце следы. Не волчьи и не медвежьи. И сам Григорьич в сарае сидит, никого не узнает, только одно имя твердит!

— Какое имя? — резко спросила Василиса, хватая со стола медицинский чемоданчик.

Игнат Петрович перевел тяжелый, полный ненависти и страха взгляд на Артема:

— Ваше имя, Артем Сергеевич. Оно вас ищет.

Глава 4. Межа

Дом деда Григорьича стоял на противоположном от усадьбы Прохорова краю села — там, где за покосившимися огородами начиналась заболоченная низина, поросшая чахлым березняком и багульником.

Когда они добежали до покосившейся калитки, у крыльца уже толпились пять или шесть местных жителей — в основном молчаливые старики в телогрейках и две женщины в темных платках. Никто не входил во двор. Все стояли за забором, сжимая в руках кто топор, кто вилы, и смотрели на припорошенную первым, еще не растаявшим снегом землю.

Игнат Петрович грубо растолкал толпу, толкнул калитку и первым шагнул во двор. Артем и Василиса двинулись следом.

У самого крыльца, в серой грязи, схваченной утренним морозцем, тянулась цепочка следов.

Артем остановился, чувствуя, как к горлу подкатывает холодная, тошнотворная тяжесть. Это не было похоже ни на один звериный след, который он видел в атласах или в экспедициях. Отпечатки были узкими, длинными — сантиметров сорок в длину, — с пятью глубокими, широко расставленными бороздами от когтей и гладкой, вытянутой пяткой, словно по грязи ступала гигантская, вывернутая наизнанку человеческая ступня без свода. Шаги шли от забора прямо к двери дровяного сарая, делали вокруг него полный круг и обрывались у колодца — так, словно существо просто поднялось в воздух или провалилось сквозь мерзлую землю.

— Дверь в сарай приперта снаружи, — тихо сказал кто-то из мужиков за забором. — Мы не трогали. Там Григорьич сидит.

Василиса подошла к сараю, осторожно отодвинула деревянный засов и приоткрыла скрипучую дверь. Внутри было темно и пахло свежей березовой щепой. В дальнем углу, за поленницей, скорчившись на охапке старого сена, сидел сухонький старик в расстегнутом ватнике. Он обхватил колени руками, раскачивался взад-вперед и смотрел в одну точку перед собой широко раскрытыми, остекленевшими глазами.

— Дед Григорий, это я, Василиса, — мягко позвала девушка, присаживаясь рядом на корточки и доставая из сумки ампулу с нашатырным спиртом. — Ты как? Не ушибся?

Старик не повернул головы. Его синие, потрескавшиеся губы едва шевелились, выталкивая на морозный воздух хриплый, монотонный шепот:

— Артем... Артем Волков... Выходи, гость... Пора долг платить... Артем Волков...

У Артема пересохло во рту. Он отступил на шаг к выходу из сарая, чувствуя на себе тяжелые, враждебные взгляды односельчан, стоящих за забором.

— Откуда он знает мою фамилию? — глухо спросил Артем, глядя в затылок Игнату Петровичу. — Я приехал вчера вечером. Я никому в селе не представлялся, кроме вас!

Игнат Петрович медленно обернулся. Его лицо в сером утреннем свете казалось вырезанным из старого, потрескавшегося дуба.

— А ему и не нужно, чтобы ты представлялся, ученый, — тихо, так, чтобы слышали только они трое, ответил старик. — Ты вчера черную книгу открыл. И на первой странице имя свое про себя прочитал. Или вслух шепнул — ему без разницы. Теперь ты в счете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.